

Нагорнова Екатерина Валерьевна

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ "ПУТЕВЫХ ПИСЕМ" М. МОНТЭГЮ

Статья раскрывает новый взгляд на элемент пейзажа в "Путевых письмах" Мэри Монтэгю. В ее лирических пейзажах категория природы связана с чувствами, ощущениями, представлениями, эмоциями героев. Пейзаж начинает привлекаться для изображения внутреннего мира и состояния героев, дополняет образ ситуации и самого автора. Из внешней детали пейзаж превращается в психологическую. В таком лирическом пейзаже важны эмоциональность и экспрессивность, чувство становится определяющим началом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 39-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. Солженицын А. И. В круге первом. М.: Время, 2010. 354 с.
14. Солженицын А. И. Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» // Новый мир. 1998. № 7. С. 184-193.
15. Солженицын А. И. Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 186-201.
16. Солженицын А. И. Публицистика: в 3-х т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. Т. 1. Статьи и речи. 720 с.
17. Солженицын А. И. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. 672 с.
18. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта: Наука, 2004. 380 с.
19. Филиппов Л. К. Язык А. И. Солженицына: особенности авторской орфографии // А. И. Солженицын и русская культура: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ванюков. Саратов: Изд-во СПИ, 1999. С. 147-152.
20. Шмелёв И. С. Лето Господне. М.: Московский рабочий, 1990. 576 с.
21. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. С. 192-207.

**“RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXTENSIONS” BY A. I. SOLZHENITSYN
AS A FORM OF “DIALOGUE” WITH THE RUSSIAN WRITERS OF THE XX CENTURY
(A. SOLZHENITSYN, Y. ZAMYATIN, I. SHMELYOV)**

Malygina Inna Yur'evna, Ph. D. in Philology
Stavropol State Pedagogical Institute
pavlihina@bk.ru

The article aims to study “Russian Dictionary of Language Extensions” by A. I. Solzhenitsyn which is considered as a certain form of “dialogue” with the Russian writers of the XX century. By means of meta-poetical data (analysis of the introduction to the dictionary) the researcher discovers the mechanism of writer’s work over the edition, identifies the sources, purpose and tasks of its development, emphasizes the author’s interpretation of its importance. Relying on A. I. Solzhenitsyn’s “Literary collection” the paper presents analytical survey of the functioning of the “Russian Dictionary of Language Extensions” lexemes–definitions in the creative work by Y. Zamyatin, I. Shmelyov and A. Solzhenitsyn.

Key words and phrases: lexeme; dictionary; language; literary work; literary collection; creative work by Y. Zamyatin, I. Shmelyov, A. Solzhenitsyn.

УДК 821.111

Статья раскрывает новый взгляд на элемент пейзажа в «Путевых письмах» Мэри Монтэгю. В ее лирических пейзажах категория природы связана с чувствами, ощущениями, представлениями, эмоциями героев. Пейзаж начинает привлекаться для изображения внутреннего мира и состояния героев, дополняет образ ситуации и самого автора. Из внешней детали пейзаж превращается в психологическую. В таком лирическом пейзаже важны эмоциональность и экспрессивность, чувство становится определяющим началом.

Ключевые слова и фразы: лирический пейзаж; описания природы; душевное состояние героя; путевые письма; изображение реалистических картин природы.

Нагорнова Екатерина Валерьевна, к. филол. н., доцент
Российский университет дружбы народов
katya-nagornova@yandex.ru

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ» М. МОНТЭГЮ

До сих пор пейзаж оставался в стороне от магистральных линий изучения как отечественными, так и зарубежными исследователями. Вероятно, это было вызвано тем, что на протяжении долгого времени недооценивалась роль пейзажа в прозаической литературе эпохи раннего Просвещения.

В исследованиях отечественных (Г. В. Аникин, Б. Е. Галанов, В. В. Кожин, Е. И. Савостьянов, З. С. Старкова [1; 2; 3; 4; 5]) и зарубежных (Б. Х. Бронсон, М. Дрэбл, В. Р. Кэнэди, С. Н. Мэнлау, Х. М. Николсон, Дж. Тод [6; 7; 8; 9; 10; 11]) литературоведов отмечается, что общие художественные задачи литературы вплоть до середины XVIII века решались при слабом участии или же без всякого участия пейзажа, хотя всеми без исключения исследователями эпохи Просвещения обращается внимание на меняющиеся взаимоотношения Природы и Человека, Разума и Чувства. В работах Б. Е. Галанова, Е. И. Савостьянова, З. С. Старковой [2; 4; 5] прослеживается эволюция развития пейзажа как элемента литературного произведения. Этими исследователями признается наличие пейзажа в литературе всех времен, но значимое место пейзаж стал занимать только в произведениях поэтов-сентименталистов, то есть во второй половине XVIII столетия. Позже Г. В. Аникин [1], анализируя эстетику Дж. Рескина, признает усиление эмоционального восприятия мира человеком. Он пишет о развитии наблюдательности, нового представления о прекрасном в связи с повышенным интересом к науке, о том, что усиление чувства природы ведёт к возникновению особых форм искусства и среди них – пейзажа. Ученый выделяет у Рескина различные типы «живописного», большинство из которых просматриваются только в литературе второй половины XVIII века.

В работах зарубежных исследователей достаточно структурно анализируются особенности развития чувства природы у просветителей (М. Дрэббл, Б. Бронсон [6; 7]), но большинство работ посвящено рассмотрению роли пейзажа в поэзии XVIII века, в прозе – лишь отчасти (Х. М. Николсон, С. Н. Мэнлав, Дж. Тод, В. Р. Кэнэди [8; 9; 11; 12]).

В связи с этим актуальным становится рассмотрение художественного наследия леди Мэри Уортли Монтэгю (Mary Wortley Montagu, 1689-1762). Письма Мэри Монтэгю – это художественные произведения, где есть доля вымысла, где можно было запечатлеть все поразившее автора, увиденное и научившее многим вещам: Своё «я» здесь можно спрятать за события и героев. Писательница сумела отразить душевное состояние своей героини, возможно, своё собственное, именно через увиденное, а точнее – через описания природы и посещаемых мест. Присутствие в её письмах документально точного описания природных ландшафтов не абстрагировано от повествователя. Наоборот, в отличие от формы путевых заметок, в её поздних произведениях ощущается индивидуальность авторского восприятия, некоторая субъективность. Хотя в общем ходе повествования чувствуется, что путешественник стремится передать всё максимально точно.

Масса чувств дополняют картины и делают путешествие удивительно правдоподобным. Создаётся впечатление, что автор фиксировал каждое своё ощущение, чувство, отношение к увиденному, а письма писались непосредственно во время путешествия. На самом деле письма были написаны Мэри Монтэгю после её путешествий. Вернее, материалы её дневника и некоторые заметки послужили основой многочисленных писем.

При описании видов городов, где появляется изображение садов, парков и вилл, Монтэгю вводит непосредственное воспроизведение чувств и ощущений героини: «I was charmed, my arrival... presented me a new scene of pleasure, I can hardly fancy, in my opinion, I never saw a place so perfectly delightful as, I have seen everything that is to be seen with a very diligent curiosity...» [12, p. 269] / Я была приятно поражена, моё прибытие...представило мне ещё одну приятную картину, я с трудом могу представить себе, мне кажется, я никогда ещё не видела места, более восхитительного чем..., я рассмотрела всё стоящее с прилежным любопытством... (*Здесь и далее перевод наш – Е. Н.*) Пейзажи у Монтэгю не являются нейтральными или случайными. Если у классицистов природа всегда идеальна и располагает к уравновешенному состоянию, чуть приподнятому настроению, некоторой лёгкости, умиротворённости, то уже у М. Монтэгю окружающая природа, виды сельской местности и города решают иную задачу. Во-первых, реально изобразить увиденное, во-вторых, – показать мир, природу с различных сторон, ранее не познанных человеком.

Путешественница М. Монтэгю не просто развлекает читателя описанием прекрасных природных и городских видов, но и просвещает. В подчёркивании достоинств, положительных сторон в строительстве городов, расположении деревень, ведении хозяйства, возведении садов, парков усматривается стремление англичан к порядку, высокой культуре и цивилизации. Но для этого нужно внимательно всмотреться в природу и перенять её мудрость, научиться естественности, простоте и рачительности. Героиню «Писем» восхищают маленькие, чистые и уютные деревеньки, их живописный вид. Сельская местность, по мнению автора, вполне соответствует идеалам красивой, культурной жизни, где человек становится «естественным», где он скорее осознает свои истинные потребности и стремления, где он независим от требований общества.

В первых письмах ещё сильна связь с канонами классицистов, идеализировавших порядок, удививших от реальности. В отличие от XVII века, идиллии в письмах Монтэгю создаётся руками человека по образу и подобию прекрасной природы. Сам человек является неотъемлемой частью природы и никогда не сможет полностью от неё изолироваться. Такие изобретения цивилизации как театры, библиотеки, салоны очень полезны и необходимы. Но по другую сторону этой жизни должна быть та естественная красота, которая человеку часто необходима, чтобы разобраться в самом себе и почерпнуть что-то новое, полезное, то, что идёт от бога изначально.

Углубляясь в описания чистой природы, героиня испытывает истинное наслаждение, удовольствие и, получая богатую информацию о местности, уделяет внимание и чувствам. Очень чётко и точно, иногда одним предложением, путешественница определяет свои чувства. Некоторыми пейзажами она не устаёт восхищаться и наслаждаться, забывая о времени. Таким пейзажам Монтэгю посвящает большую часть письма. Ярким примером является письмо, адресованное А. Поупу из Адрианополя, датированное 1 апреля 1717 года («To Mr. P_[Pope]», Adrianople, April 1, O. S. (1717)), где она пишет, что в ее саду растут высокие кипарисы, на них нежно воркуют парочки горлиц: «...several couples of true turtles are saying soft things to one another from morning till night. How naturally do boughs and vows come into my head at this minute! And must not you confess, to my praise, that it is more than ordinary discretion that can resist the wicked suggestions of poetry, in a place where truth, for once, furnishes all the ideas of pastoral?» [Ibidem, p. 301] / ...несколько пар горлиц нежно воркуют друг с другом с утра до вечера. Как естественен шелест ветвей, и слова молитвы (клятвы) приходят в мою голову в эту минуту! Ну, признайся же, в угоду мне, что это больше, чем простая осмотрительность, которая может сопротивляться безнравственному совету поэзии, где истина, на этот раз, снабжает идеями пастораль.

Перед героиней предстал идеальный пейзаж, сложившийся ещё в античной литературе. Покинутый рай словно бы возвращается на землю. Душа героини прикоснулась к идеалу, восприняла его из природы, затрепетала и задыхалась вместе с ней. Пейзаж не предстаёт здесь статической данностью или простым описанием восхитительного места, а является отражением глубокого переживания природы героиней, особым, возвышенным, но в то же время умиротворённым состоянием души. Пейзаж резко субъективируется, вступает в зависимость от состояния героини, творящей его из элементов своего душевного опыта, чувств. Каждая деталь в нём: высокие кипарисы, горлицы, шепчущие друг другу что-то приятное, шелест ветвей, бесконечность и замедленность времени – это вызывает острое переживание счастья и гармонии. Душа героини растворяется в природе, погружается в сладкое бытие.

Этот пейзаж, как и многие другие, можно назвать лирическим, так как сама природа настраивает героиню на лирический лад. Определяющим началом такого пейзажа становится чувство или настроение. Героиня стремится соотнести природу со своим собственным состоянием. Поэтому почти в каждом пейзаже, даже состоящем из нескольких строк, читателю легко понять отношение героини к увиденному. Обилие воздыханий, оценочных эпитетов, глаголов с сильной эмоциональной окраской позволяет сделать вывод о том, что на протяжении всего путешествия доминировали возвышенные чувства, торжественное, приподнятое настроение, восхищение и очарование бытием и природой. Как художник-лирик героиня при виде какого-либо объекта, улаждающего её взор, прежде всего, описывает своё эмоциональное состояние.

Мэри Монтэгю вносит в литературу XVIII века ту особую чувственную роскошь, которая связана с образами южной растительности, богатой и щедрой. Кипарисы, лимонные, оливковые и апельсиновые деревья, инжир, индийское фиговое дерево – все эти реалии освоены Мэри Монтэгю. Изображая их, её героиня открывает своим адресатам иной мир, отличный от британского. Это вольный и цветущий пейзаж – горы, влекущие ввысь, море, зовущее вдаль, бурные реки, живописные луга и долины повсюду, куда бы ни упал взор путешественницы. Вдали от родины путешественница черпает веру в свои силы и вдохновение именно в красоте, разлитой в благодатной, щедрой, южной природе. Героиня чувствует бесконечную красоту окружающего, но выразить полноту этого впечатления не может. Читателю кажется, что она ищет слова, чтобы расширить возможности передачи своих чувств. Мэри Монтэгю в этом произведении предпринимает попытку переломить застоявшиеся каноны классицизма, стремится перевести зрительное восприятие природы в сферу чувствования и философских раздумий своей, героини. Леди Мэри – первопроходец в этих начинаниях. Но уже ею осознавался тот факт, что простое называние предметов может остаться лишь попыткой вызвать в представлении читателя их образы. Чтобы такая попытка была результативной, чтобы пробудить в душе читателя соответствующее настроение, Монтэгю прибегает к использованию различных свойств слова, фразовой интонации, синтаксических конструкций. Так она поступила в рассмотренном ранее пейзаже, меняя местами подлежащее и сказуемое вопреки грамматическим нормам, что в английском языке возможно только в качестве усилительной конструкции. Вводная конструкция «it is... that», знак вопроса в конце предложения, имеющего структуру утвердительного, призваны для выполнения экспрессивной функции. Этот лирический пейзаж является небольшим по объёму. В нём нет законченной мысли, тем более нет законченной пейзажной картины. Напротив, автором ставится вопрос, на который не дано ответа, значит, в представленном образе не должно быть решения, определённости. Монтэгю побуждает читателя ответить на вопрос. Она вызывает к его памяти, воображению, представлению. Читательское восприятие включается в активную деятельность. У нас не возникает вопроса: «Что же дальше, что из этого следует?». И это потому, что в человеке самой природой заложено неистребимое стремление к созерцанию красоты в её бесконечных проявлениях.

Несмотря на графичность изображения, отсутствие цвета, в пейзажах Монтэгю всё же заметны оттенки. Картины изображаются в лунном свете, упоминаются тёплые лучи солнца, воздух становится прозрачным, проливной дождь вызывает уныние: «...the moon being at full. I saw the prospect of the country almost as well as I could have done by daylight...» / ...было полнолуние. И вид сельской местности я могла разглядеть, как днём...; «I am now sitting, ...enjoying the warm shine of the sun...» [ibidem, p. 381-382] / Сейчас я отдыхаю, наслаждаясь тёплыми лучами солнца...; «grapes are swelling» (наливаются гроздья винограда), «the sun glinting through» [13, p. 148] (пробивающиеся лучи солнца).

Лирический пейзаж Монтэгю – это уже не перспективно-панорамное изображение классицистов со стройной чётко симметричной композицией и делением плана, без излишних деталей и впечатлений. Пейзаж дополнен чувствами и впечатлениями героини, способствует раскрытию её образа. Взгляд путешественницы скользит по обозреваемой местности и подмечает всё, что может стать полезным для её соотечественников, принести эстетическое удовольствие ей самой. Среди деталей в пейзаже писем, наряду со зрительными впечатлениями и объектами, начинают появляться и слуховые детали, но они ещё очень пространны и редки: «the vast cascades tumbling down the rocks with a confused roaring» [12, p. 390] / огромные снежные лавины, срывающиеся вниз с вершин с приводящим в замешательство рёвом; «several couple of true turtles are saying soft things to one another from morning till night, how naturally do boughs» [ibidem, p. 301] / несколько пар горлиц нежно воркуют друг с другом с утра до вечера, как естественен шелест ветвей; «The shrill not of a peacock disturbs the quiet, a blackbird in vexation gives a low whistle» [13, p. 155] / Даже петухи затихли и не нарушают тишины своим криком, лишь встревоженный скворец тихонько пошвыстывает. Героиня вслушивается в природу и окружающую действительность, начинает более тонко и остро чувствовать естественное течение жизни в природе.

Лирические пейзажи в письмах М. Монтэгю представлены реальными картинами. Виды садов, парков, деревень, сельской местности описываются героиней по мере её пребывания в новом месте, и практически каждый из них, за редким исключением, восхищает и очаровывает её. Само описание часто не представляется нам столь прекрасным. Но мы должны помнить о времени написания писем. Мэри Монтэгю были сделаны очень смелые и решительные шаги в изображении реалистических картин природы.

Список литературы

1. Аникин Г. В. Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 320 с.
2. Галанов Б. Е. Живопись словом. М.: Советский писатель, 1974. 374 с.
3. Кожин В. В. Виды искусства. М.: Искусство, 1960. 128 с.
4. Савостьянов Е. И. Изобразительность и выразительность в искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1970. 247 с.

5. Старкова З. С. Литература и живопись. М.: Просвещение, 1985. 112 с.
6. Drabble M. A Writer's Britain Landscape in Literature. L.: Thames & Hudson Ltd, 1979. 490 p.
7. **Faces of the Enlightenment by Bertrand Harris Bronson.** Berkeley – Los Angeles: Univ. of California Press, 1968. 498 p.
8. **Gender & Literary Voice** / ed. by J. Todd. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1980. 688 p.
9. **Kanady V. R.** Nature in Modern English Poetry / printed by Shiniwas Gupta at Chetna printers. New Delhi: Sterling Publishers Limited, 1985. 573 p.
10. **Manlove C. N.** Literature and Reality: 1660-1800. L.: Basingstoke, 1978. 760 p.
11. **Nicolson H. M.** Mountain Gloom & Mountain Glory: the Development of the Aesthetics of the Infinite / printed in the USA by the Vail-Ballou press, INC, Binghamton. N. Y.: Cornell Univ. Press, 1959. 600 p.
12. **The Letters & Works of Lady Mary Wortley Montagu** / ed. by her Great-grandson, Lord Wharncliffe. Third additions & corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes & a new memoir by W. Moy Thomas: in 2 v. L.: Bickers & Son, 1861. V. I. 488 p.
13. **The Letters & Works of Lady Mary Wortley Montagu** / ed. by her Great-grandson, Lord Wharncliffe. Third additions & corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes & a new memoir by W. Moy Thomas: in 2 v. L.: Bickers & Son, 1861. V. II. 512 p.

A LYRICAL LANDSCAPE OF "LETTERS AND WORKS" BY M. MONTAGU

Nagornova Ekaterina Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia
katya-nagornova@yandex.ru

The article reveals a new view on the element of a landscape in "Letters and Works" by Mary Montagu. In her lyrical landscapes the category of nature is connected with feelings, sensations, ideas, and characters' emotions. The landscape starts to be drawn for the illustration of an internal world and the characters' state; it adds to the image of the situation and the writer herself. From the external detail the landscape turns into the psychological one. In such a lyrical landscape emotionality and expressivity are important, feeling becomes a defining beginning.

Key words and phrases: lyrical landscape; nature illustrations; character's state of mind; travel letters; the illustration of realistic pictures of nature.

УДК 821.512.157:82-2

В статье впервые рассматриваются драматические произведения якутского писателя И. П. Никифорова. При анализе выявлены основные художественные особенности пьес: ощущение стиля писателя-прозаика, использование этических традиций, народность языка, наполненного устно-поэтическими выражениями и юмором, расширение роли и возможностей ремарок как структурного компонента.

Ключевые слова и фразы: якутская драматургия; комедия; конфликт; народный юмор; ремарка; авторские афоризмы; национальный колорит.

Самсонова Тамара Петровна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
t.p.samsonova@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. П. НИКИФОРОВА

Процесс демократизации общества, охвативший все сферы жизни нашей страны после XX съезда КПСС, способствовал стремительному развитию разнообразных форм творческой деятельности. Немаловажную роль в этом сыграли литературно-критические дискуссии, развернувшиеся на страницах периодической печати, а также литературоведческие исследования в области поэзии, прозы и драмы. Нравственные искания молодого героя, его духовное формирование, гражданское возмужание стали постоянным объектом литературы названного периода.

Новые тенденции в развитии якутской драматургии со всей очевидностью стали обнаруживаться во второй половине 50-х гг. XX в. На первый план были выдвинуты вопросы освещения современности, проблемы выбора человеком своего жизненного пути, «поиски истоков патриотизма в созидании и восстановлении народного хозяйства в послевоенные годы», «постановка актуальных проблем по сельскому хозяйству, промышленному освоению края, нравственно-трудовому воспитанию молодежи» [1, с. 45]. Таковы пьесы С. Омоллоона и В. Протодьяконова «Хотугу хоһуун муус куйаарга» («На ледяных просторах», 1957), И. Находкина «Суол тардыта» («Начало пути», 1958), С. Ефремова «Лэкиэс» (1957), «Куорат кыһа» («Городская девушка», 1960), И. Семенова «Мөккүөр» («Спор», 1960), И. Гоголева «Ыам ыйын халлаана» («Майское небо», 1963), «Таас таба» («Каменный олень», 1967), Н. Мординова «Киэҥ суолунан» («Широкой дорогой», 1964), Н. Габышева «Көмүс балык» («Золотая рыбка», 1964) и др. [2, с. 472-479].